

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК 94(470) «08/16»

УПРАВЛЕНИЕ «ПОНИЗОВЫМИ ГОРОДАМИ» В ПЕРИОД МЕЖДУЦАРСТВИЯ (1610–1613 годы)

Н. В. Рыбалко

Волгоградский государственный университет
E-mail: rybalko_n@mail.ru

Статья посвящена изучению истории городов Нижнего и части Среднего Поволжья в Смутное время в период междуцарствия. Автор исследует последствия подавления бунтов в поволжских городах в правление Василия Шуйского, участие ратных людей Понизового Поволжья в организации Первого и Второго ополчений.

Ключевые слова: Поволжье, Царицын, Саратов, Астрахань, Казанское государство, Смута, понизовые города, междуцарствие, стрельцы, ратные люди, Первое ополчение, Второе ополчение, Прокопий Ляпунов, Дмитрий Пожарский.

Management of Towns in Low and Middle Volga Region During the Interregnum (1610–1613)

N. V. Rybalko

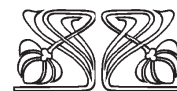
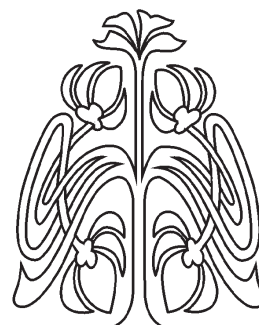
This article is devoted to the history of the towns of Lower and Middle Volga in the Time of Troubles during the Interregnum. The author investigates consequences from suppression of riots in the cities of the Volga region during the reign of Basil Shuisky, participation military men from Ponizova Volga in the organization of the First and Second militias.

Keywords: Volga, Tsaritsyn, Saratov, Astrakhan, Kazan region, time of troubles, the city of the Lower Volga, Interregnum, archers, martial people, First militia, Second Militia, Prokopy Lyapunov, Dmitry Pozharsky.

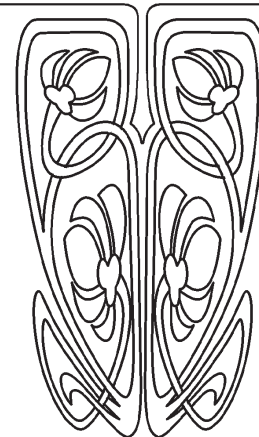
«Понизовые города», или «Понизовое Поволжье» – восточная часть «Дикого поля», включение которого в состав Российского государства происходило путем так называемого «сползания границы» во второй половине XVI–XVII вв. Территорией региона, согласно исследованию Э. Л. Дубмана, были прибрежная часть Волги и волго-яицкое междуречье, по крупнейшим рекам восточноевропейской части России – Волге (включая и ее правобережье), от устья Камы до Каспия; среднего и нижнего течения Камы и Урала (Яика), а также по северному побережью Каспийского моря¹. В источниках начала XVII в. понизовые города рассматриваются как часть области Казанского дворца или, точнее, Казанского государства, которое наряду с Новгородским государством и Московским государством входило в состав Российского государства, то есть это несколько более обширный регион, чем современные границы Нижнего Поволжья.

Освоение региона было сложным ввиду постоянной внешнеполитической угрозы со стороны Крымского ханства, а отдаленность от центра не позволяла наладить требуемого контроля. Особенно остро вопрос управления стоял в период Смуты. В регионе, населенном большей частью вольным казачеством и вновь присоединенными народами, вспыхивали бунты, появлялись многочисленные самозванцы² и даже предпринимались попытки отделиться и перейти под власть персидского шаха. И если об отдельных событиях в Астрахани, Царицыне, Саратове начала XVII в. еще что-то известно, то период Междуцарствия продолжает оставаться своего рода «темным пятном» для исследователей.

Ситуация осложнена, прежде всего, состоянием источниковой базы. Территориально подчиняясь Приказу Казанского дворца, ре-

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

гион понес невосполнимую утрату от пожаров в Москве 1626 г. и 1701 г., в которых погиб весь архив Приказа. Сохранилась лишь отрывочная и разрозненная информация, обнаружение каждого отдельного факта уже является большой удачей для исследователя. К примеру, в архиве Астраханской приказной палаты, вывезенной в 30–50-е гг. XIX в. из Астрахани в Петербург в Археографическую комиссию (сейчас – в АСПБ И РАН), сохранились документы за 1590–1591, 1614–1720, 1739 и 1772 гг. Большая часть документов фонда неопубликована³. Документы фонда Царицынской воеводской канцелярии (РГАДА) датируются 1738 г. и с 1777 г. по 1784 г.⁴

В каком же состоянии регион находился к 1610 г.?

Особая судьба сложилась у понизовых городов в правление Василия Шуйского. В Астрахани большинство жителей во главе с воеводой Иваном Хворостининым не признали власти В. Шуйского, целовали крест Лжедмитрию II, вследствие чего произошли погромы сторонников В. Шуйского и убийство дьяка Афанасия Карпова.

Отправленный на усмирение волнений в Поволжье боярин и воевода Ф. И. Шереметьев с правительственным войском в результате многомесячной осады так и не смог взять Астрахани, простояв в Балчике. В октябре 1607 г. Ф. И. Шереметьеву на Балчик и воеводе Замятне Сабурову в Саратов были присланы грамоты от царя В. Шуйского с приказанием сходитьсь в Царицыне «со многою ратью, с большим нарядом и с военными пушки» для совместного похода на Астрахань. 24 октября 1607 г. войска Ф. И. Шереметьева взяли Царицын⁵. Пробыв там около года, но так и не дождался помощи. Саратов в это время (1607–1608 гг.) переживал натиск самозванческих отрядов, что стало причиной так называемого «Саратовского осадного сидения» (подробнее об этих событиях в Саратове написал Я. Н. Рабинович⁶). В сентябре – октябре 1608 г. воевода получил указание идти в Нижний. Перед уходом, по разысканиям И. О. Тюменцева, воевода приказал сжечь Царицын, а по пути и Саратов, чтобы крепости не достались изменникам⁷. Ранее бытовало предположение А. А. Герасимова, что Саратов по неизвестным причинам стал жертвой огня зимой 1613/14 гг.⁸ Ф. И. Шереметьев по пути вверх по Волге расправился и с повстанцами в Чебоксарах и Свияжске⁹.

Здесь мы находим ответ еще на один давний вопрос, породивший многочисленные споры краеведов: где же все-таки находился Царицын до уничтожения его крепости в 1608 г. – на острове или на правой стороне Волги, так называемой «Крымской», где был отстроен позже? Можно сделать осторожное предположение и привести ряд свидетельств все же в пользу второго, менее популярного в краеведческой литературе, утверждения.

1) В Нагайских делах Посольского приказа хранится отписка, в которой Ф. И. Шереметьев

докладывал в Посольский приказ в апреле 1607 г.: «А Иштерек, государь, князь и все мурзы кочуют около Царицына близко по Волге вверх и вниз, а Каракел Мамет мурза с улусом и иные многие мурзы кочуют на Царицынском острове»¹⁰. Явное территориальное противопоставление кочевий.

2) В расспросной речи толмача П. Вразского дано описание взятия Ф. И. Шереметьевым Царицына: 24 октября 1607 г. войска Ф. И. Шереметьева «Царицын город и острог взяли, и государевых изменников царицынских людей и их жен и детей побили и поймали, а иные в степь побежали». За ними послали стрелецких голов, детей боярских, сотников и стрельцов, «и головы многих воров на степи побили и поймали»¹¹. В своей челобитной П. Вразский, описывая те же события, уточнил, что «как государевы изменники из города побежали в степь, и я, холоп твой, за ними гонял до речки до Ольшанки от города семь верст и с ними бился»¹², то есть если бы Царицын был на острове, то «изменники» не смогли бы побежать в степь, а должны были бы сначала переправиться через Волгу. И второй момент. Очевидно, речь идет о речке, известной сегодня как «Ельшанка», созвучной с «Ольшанка». С. Г. Гмелин, путешествуя в 1767–1772 гг. по Волге через Царицын, сообщил, что «между Царицыным и селением Сарпинским, на западной стороне Волги ... вытекают три речки, кои вообще Ельшанками называются ... первая, вторая и третья Ельшанки. Первая в семи, вторая в двенадцати и третья в осьмнадцати верстах отстоят от Царицына»¹³. Они известны также как Верхняя, Средняя и Нижняя Ельшанки. Очевидно, «изменники» бежали как раз 7 верст до первой Ельшанки. Это на правой стороне Волги.

3) В тех же документах сохранилась история с астраханскими стрельцами, «которых пограбили люди Иштерека на Царицыном острове, где они рыбу ловили»¹⁴, то есть если бы стрельцы жили на острове, то им бы не пришлось указывать, где именно они ловили рыбу.

По наблюдениям Н. И. Костомарова, в 1607–1608 гг. воровское ополчение, шедшее вверх по Волге на Казань, состояло из татар, чуваш, черемисов, мордвы и русских детей боярских и стрельцов Алатыря, Ядринска, Арзамаса, Темникова, Касимова. Многие, считавшиеся русскими в этом краю, были инородцами по происхождению. Победы Ф. И. Шереметьева разделили инородцев: часть осталась верной Лжедмитрию II, часть перешла на сторону Василия Шуйского и примкнула к правительственным войскам, то есть против «шаек», объединивших, в том числе черемис, чувашей, мордву и татар, Ф. И. Шереметьев высылал войска, в составе которых были те же народы¹⁵.

Аналогичное наблюдение о расколе, только уже в царицынском гарнизоне в 1607–1608 гг. после взятия Царицына войском Ф. И. Шереметьева, сделал И. О. Тюменцев, основываясь на реконструированном комплексе документов архива Я. Сапеги. Часть царицынских стрельцов

присоединилась к отряду самозванца Ивана-Августа, часть влилась в состав правительственных войск после уничтожения крепости Царицын летом 1608 г.¹⁶

Как известно, крепость Царицын была отстроена заново лишь в 1615 г. воеводой М. Соловцовым. После 1616 г. по тому же проекту под руководством М. Соловцова был отстроен и Саратов.

Таким образом, в период Междоусобицы Царицын и Саратов, как города-крепости, не существовали. Этим и объясняется практически полное отсутствие информации об этих городах в источниках и в трудах местных краеведов. Значит ли это, что Царицын и Саратов «исчезают из российской истории»¹⁷, а регион полностью выпадает из исторического контекста событий разгара Смуты из-за отсутствия сведений в источниках этого периода¹⁸?

Оказывается, что это не совсем так. В текстах актов периодически встречаются упоминания об астраханских и царицынских стрельцах, о понизовых городах в целом.

Мы видим, что политическое расслоение продолжалось. Имеются свидетельства противоречивости и неоднородности политического выбора в понизовых городах. Так, в Дневнике Сапеги есть запись, что 22 февраля 1609 г. «приехали гонцы к Его Милости» (Яну Петру Сапеге) из Саратова с повинной челобитной от детей боярских, и от посадских, и от всего того саратовского уездного мира, с изъявлениями верноподданических чувств и покорности е.м. царю»¹⁹. Повинная грамота и челобитные саратовцев авторами публикации не обнаружены²⁰. А. А. Герасимов высказал большое сомнение по поводу существования в это время в Саратове посадской общины, а тем более, уезда, предположив, что в Дневнике попросту использовались штампы²¹. Сам факт свидетельствует о признании саратовцами власти Лжедмитрия II, что, в общем-то, противоречит предшествующим событиям и требует дополнительного изучения подвигших на это саратовцев причин.

Мы также видим упоминание в источниках о понизовых полках в составе войска Ф. И. Шереметьева, когда, будучи во Владимире, в мае 1609 г. воевода получил грамоту идти на помощь Троице-Сергиеву монастырю²². 8 и 9 мая 1609 г. в расспросных речах подьячего Московского судного приказа Матвея Денисова сына Чубарова говорилось, что Федор Шереметьев идет к Нижнему Новгороду, а затем к Москве «со всею понизовою силою», «а ждут на просухе, как вода сольет и конский корм поспеет»²³.

В июне 1609 г. донские и донецкие казаки, астраханские, царицынские и казанские стрельцы подали челобитную о жаловании Лжедмитрию II, описывая свою службу «царю», и вооруженных столкновениях с правительственными войсками в Костроме, Ярославле, Ростове²⁴.

В начале января 1611 г. астраханские стрельцы и «других понизовых городов» участвовали на стороне правительственных войск в военных действиях со шведами на Ладозе²⁵. Дети боярские, сотники, стрельцы и казаки астраханские и «иных понизовых городов» 11 января 1611 г. по приказу Ивана Михайловича Салтыкова посланы были на Гостино Поле в острожек, к князю Григорию Волконскому «стоять над немецкими людьми, которые сидят в Ладозе»²⁶.

Как же складывалось участие понизовых городов в дальнейших событиях? 9 января 1611 г. «всей землей Казанского государства» целовали крест Лжедмитрию II²⁷. Связано это было с приездом из Москвы Афанасия Евдокимова 7 января 1611 г., который рассказал, что в Кремле владеют всем бояре и литовские люди, устанавливают свои порядки и призывают крест целовать королю (Сигизмунду III) вместо королевича. С этим призывом бояре приходили и к патриарху Гермогену. Но патриарх им отказал, «за что чуть не поплатился жизнью»²⁸. Восстановив хронологию событий, видим, что визит к патриарху состоялся 30 ноября 1610 г. («в пятницу перед Николиным днем» – 6 декабря). Убийство Лжедмитрия II произошло 11 декабря, то есть приехавший в Казань Афанасий Евдокимов с крестоцеловальной грамотой об этом не знал, а рассказывал о событиях до убийства самозванца.

В Новом летописце также описаны данные события и сообщается, что воевода и окольный Богдан Яковлевич Бельский был против присяги самозванца, а говорил целовать крест тому, «кто будет государь на Московском государстве». Но дьяк Никанор Шульгин велел Богдана убить – «скинули Богдана с башни и убили до смерти». На третий день приехал из Калуги Олешка Тоузаков с вестью, что «вор убит, а землю прислали, чтоб быти в соединении стоять всем за Московское государство»²⁹. По мнению И. П. Ермолаева, присяга самозванцу, а также промедление в сборе ополчения, были происками казанского дьяка Никанора Шульгина, проявлявшего неустойчивую политическую позицию, «шатость» и тайное желание отделиться³⁰.

Первые призывы патриарха Гермогена не сохранились в виде грамот, есть только упоминания о них. Святейший патриарх Гермоген и московские люди писали в Рязань к «Прокофью Ляпунову и во все украинные города, и в понизовые, и словом приказывали, чтоб им, собрався с окольными городами и с повольскими, однолично идти на польских и на литовских людей к Москве»³¹.

Во второй половине января 1611 г. активизировалась переписка между городами Московского государства с призывами «не подчиняться Сигизмунду III и его сыну Владиславу и идти со всеми людьми к царствующему граду Москве». Так, Прокопий Ляпунов писал к нижегородцам: «И мы со всеми людьми и с понизовою силою, которые ныне стоят под Шацким, пойдем на Коломну, а

с Тулы – Иван Заруцкий, из Калуги боярам идти прямо к Москве. И во все, господа, понизовские города и поморские и к Андрею Просовецкому велите отписати, чтоб они все шли к царствующему граду Москве наспех с нами же в сход»³².

В ряде отписок нижегородцев к вологжанам сохранились сведения об участии ратных людей понизовых городов в сборе Первого ополчения. Между 10 и 17 февраля воевода князь Александр Андреевич Репнин шел «из Нижнего со многими ратными людьми, и с низовыми, и со всеми окольными городами Московское государство очищать»³³. В документе, составленном после 8 февраля 1611 г., перечислены основные города для сбора ратных сил страны – Владимир и Москва: «Мы, по приказу патриарха Гермогена, собрався со всеми людьми из Нижнего, и с окольными людьми, идем к Москве, а с нами многие ратные люди разных и окольных и низовых городов, и дворяне, и дети боярские, и стрельцы, и казаки и всякие служивые многие люди»³⁴.

В феврале 1611 г. о том, что из понизовых городов, Казани и Нижнего ратные люди идут в сход, сообщается в отписке ярославцев к вологжанам³⁵.

После 16 февраля факт сбора ратных сил рассматривается как текущее событие. Прокофий Ляпунов писал в Нижний, а из Нижнего – в Ярославль, что «рязанские и северские города в собрание многие люди и из понизовых городов, и из Казани, и из Нижнего ратные люди многие идут в сход с ними». «И мы, – писали нижегородцы, – по совету со всеми понизовскими, и украинными, и рязанскими, и иными городами Московского государства целовали крест 16 февраля»³⁶.

Подтверждение участию понизовых городов в организации Первого ополчения мы находим и в документах противоположного лагеря – Сигизмунда III, стоявшего под Смоленском и получившего сведения о происходившем в стране в отписках московских бояр. В грамоте Сигизмунда III к боярам о единственном желании его подать помощь бедствующей России и утвердить древнюю греческую веру, составленной в феврале 1611 г., пересказываются последние полученные в лагере новости, в том числе и о том, что в Рязани Прокопий Ляпунов ссылается «с понизовыми и с северскими городами», и государских грамот (Сигизмунда III) «ни в чем не слушает», пока не будет Владислава в Москве. «А про Астрахань пишете, что и они с иными ближними городами ссылаются и лихо замышляют»³⁷.

7 марта 1611 г. из Ярославля в Казань была послана известительная грамота о происшествии в Москве, о собиравшемся в Ярославле ополчении с убеждением казанцев «к вспоможению против клятвопреступных поляков». Из-под Новгорода пришли астраханские стрельцы и «Тимофеева приказу Шарова казаки» и крест целовали, «... да с монастырей и с земель датошные многие люди и московским, и астраханским стрельцам дали жалованье. А приговор учинили крепкий: кто не

пойдет или воротится, тем милости не дати, и по городам по всем то ж укрепление писали»³⁸. «Понизовые люди пошли из Нижнего с воеводой с князем Александром Андреевичем Репниным»³⁹.

Переписка показывает, что ратные люди понизовых городов, находившиеся в тот момент в Нижнем Новгороде, приняли решение о поддержке П. Ляпунова и выступили в направлении Москвы гораздо раньше своего административного центра – Казани, куда отписки доходили долго.

В грамоте из Костромы в Казань о походе Прокопия Ляпунова и присоединении к нему костромских служилых людей сообщается, что в Костроме укрепились крестным целованьем и отпустили воевод князя Ф. И. Волконского и Т. Д. Овцына «с дворянами и с детьми боярскими, и с астраханскими атаманы и казаки, и со всякими служилыми людьми ... 24 февраля – пошли большою дорогою на Ростов да на Переславль Залесский, а сходиться им с понизовскими городами, и с Суздалем, и с Владимиром, и с Муромом, и с Рязанским с украинными городами»⁴⁰.

В начале марта ратные люди собрались под Москвой, в том числе, по сообщению ярославцев, из Нижнего с воеводой с князем Александром Андреевичем Репниным пришли понизовые люди и казанцы⁴¹.

В марте 1611 г. Сигизмунд III написал к боярам очередную обольстительную грамоту, где сообщается, что, по слухам, «Астрахань с Казанью и с иными городами, которые подошли к татарской стороне, хотят отложиться к персидскому шаху, и ныне Казань, Астрахань, черемиса и полевые города и подбельские и сибирские города, Пермь, Вятка наших грамот (Сигизмунда) ни в чем не слушают и доходов никаких к Москве не везут, во многих городах сыну нашему креста не целовали, а ждут его прихода к Москве»⁴². Возможно, слухи были не беспочвенны, и это была одна из причин, почему в Казани целовали крест о соединении с ополчением П. Ляпунова лишь после начала осады Китай-города. Либо, действительно, как говорили купцы, приехавшие из Казани, там до сих пор не известно, что происходит в Москве.

После 1 апреля казанцам был отправлен решительный призыв, обращенный к казанскому митрополиту Ефрему «и ко всем тамошним жителям», «о поспешной присылке ратных людей для отнятия у поляков столицы, а войску – денег на жалованье», «чтобы от Москвы ратные люди не разбрелись», и о побуждении к тому же «всех понизовых городов». Велено было казанцам написать в Астрахань и во все понизовые города к воеводам «и ко всяким людям» и «на Волгу, и по запольским рекам» к атаманам и казакам. Обещания были щедрые: «А которые казаки с Волги и из иных мест придут к нам к Москве в помощь, и им будет всем жалованье, и порох, и свинец, а которые боярские люди – крепостные и старинные – и те б шли безо всякого сумнения и боязни: всем им воля и жалованье будет, как и

иным казакам, и грамоты от бояр и воевод и ото всей земли приговору своего дадут»⁴³.

28 апреля в Казань из Владимира приехал князь Иван Семенович Путятин, из Ярославля – Константин Микитин Львов и посадский человек Богдан Захарьев с грамотами из Владимира, Ярославля, Костромы, а 1 мая приехали в Казань из полков из-под Москвы от бояр и воевод и от всей земли с грамотами казанцы, дети боярские Воин Левашов и Семен Перепелицын. После этого казанцы «всею землею Казанского государства целовали крест по записи, которая прислана из полков ото всей земли». «И в Свяжском, и в Чебоксарах, и во всех понизовых городех по той записи, которая прислана из полков, крест целовали же, что им с нами и со всею землею быти в любви, и в совете, и в соединении и идти на земскую службу под Москву ко всей земле». Однако денег из Казани не дали, поскольку «всяких доходов с чуваши и с черемисы с дворов ясачных и с вотчин оброчных денег не имано для смутного времени по три года ни одной денги и кабаки заперты были по многое время, и таможенных пошлин взяти было не с чего, сверху и снизу некоторых городов больших соляных и никаких судов не было». Все это указано в отписке казанцев к пермичам, полученной пермичами 12 июня 1611 г. Подлинник имеет приложение в виде списков с грамот на 19 листах и крестоцеловальной записи⁴⁴.

Таким образом, присяга Казани и понизовых городов состоялась вскоре после 1 мая 1611 г.

В августе 1611 г. после убийства П. Ляпунова началась новая волна движения в казачьих полках – намерение поставить на царство «Маринкина сына». Патриарх Гермоген в обращении к нижегородцам, полученном 25 августа, призывал, чтоб на царство «Маринкина паньина сына» не благословляли – проклят он. Об этом патриарх просил отписать в Казань, в полки, к казацкому войску, на Вологду и в Рязань⁴⁵.

В Казани получили отписку нижегородцев уже 30 августа вместе со списком с патриаршей грамоты и приговорили с митрополитом Казанским и Свяжским и «со всею землею Казанского государства на царство ... по казачью выбору проклятого Маринкина сына не хотеть ... а выбрать на Московское государство государя, сослався со своею землею, кого нам государя Бог даст»⁴⁶.

Самозванческая интрига продолжала развиваться в нескольких направлениях. В той же грамоте бояр в Ярославль сообщается, что «Иван Заруцкий с товарищи государя себе обирает, по своей воровской воле таких же воров казаков, называя государскими детьми калужского вора сына». «А иной вор, будто Дмитрий, объявился в Астрахани у князя Петра Урусова, который калужского вора убил, а называется будто тот вор прямой, который преж сего убит на Москве, роурига Гришка Отрепьев»⁴⁷.

В конце января – начале февраля 1612 г. арзамасские воевода Иван Путятин и дьяк

Степан Козадавлев в отписке курмышскому воеводе (Смирному) Елагину призывали выслать на земскую службу всяких служилых людей во Владимир, остановить литовских людей, собирающихся к походу из Ростова в Москву. Велели также отписать в Казань, Свяжский, в Чебоксары «и во все понизовые городы для ратных людей поспешанья»⁴⁸.

9 февраля в Курмыш Смирному Васильеву пришла грамота от казанских дьяков Никанора Шульгина и Степана Дичкова с приказанием не верить арзамасской отписке, которую писали князь Иван Путятин и Степан Козадавлев, так как в Арзамасе «стрельцы заворовали, дворян и детей боярских и жилецких всяких людей и животов побивают и вешают, на пытках пыгают и огнем жгут, и заводят воровство, и ворихе Маринке и ее сыну хотели крест целовать». Ратных людей во Владимир посылать не следовало, а идти в Нижний Новгород в сход верховых и низовых городов⁴⁹.

В отписке нижегородцев к вологжанам февраля – марта 1612 г. содержится призыв от имени князя Дмитрия Пожарского снова собраться всей землей против польских и литовских людей для освобождения столицы. В документе говорится, что из Нижнего Новгорода «всякие люди, сослався с Казанью и со всеми понизовыми городы, и с поволскими» идут на помощь Московскому государству с князем Дмитрием Пожарским⁵⁰.

В то же время из Коломны в Астрахань со смутными грамотами приехал астраханский сотник Томило Есипов. Марина Мнишек писала смутные грамоты в Кизылбашу. Но Дмитрий Пожарский предостерегал не верить смутным грамотам: «А мы, свестясь с Казанью и с понизовыми городы, собрався со многими ратными людьми, идем на польских и литовских людей, которые ныне стоят под Суздалем. А из Казани, из Свяжского и из Чебоксар и изо всех понизовских городов к нам писали, что они идут на земскую службу все головами своими и как будут все понизовые и верховые города в сходе вместе, и мы всею землею выберем на Московское государство государя, кого нам Бог даст»⁵¹.

Представители от Казанского государства, Нижнего Новгорода и «ото всех понизовых городов» казанец С. И. Левшанов, нижегородец Н. Г. Соломонов и казанский мурза К. Я. Муравлев в апреле 1612 г. были в составе посольства в Новгород для переговоров с Яковом Делагарди о возможности призвания на престол шведского королевича⁵².

В апреле же 1612 г. в состав Второго ополчения влилась «казанская рать» под командованием В. П. Морозова, находившаяся до этого под Москвой среди остатков Первого ополчения⁵³.

12 мая 1612 г. бояре и воеводы, собравшись «с зарецких, северных, замосковных городов, со стрельцами, казаками, с казанскими и всех понизовых городов с князи, мурзы, татары, со всякими

служилими людьми» уже стояли под Москвой и в Ярославле⁵⁴.

Особую роль в освобождении Москвы еще современники приписывали ополчению Кузьмы Минина и Дмитрия Пожарского. Так, в грамоте Дмитрия Пожарского, написанной в августе 1612 г., в кратком пересказе событий, предшествовавших сбору Нижегородского ополчения, говорится: «Государство Московское было в розни, северские города были особе, а Казанское и Астраханское царства и понизовые города были особе, а во Пскове был вор...». А потом избрали «к ратным и земским делам» стольника и воеводу Д. М. Пожарского «за правду, дородство и храбрость»⁵⁵. Однако приведенные выше документы свидетельствуют, что понизовые города вместе с Казанским царством приняли активное участие и в организации Первого ополчения.

Еще одним интересным документом, на который следует обратить внимание, является жалованная грамота на вотчину, данная Кузьме Минину 20 января 1615 г., за службу в 1611 г. с указанием его заслуг. «Когда ратные люди многие от литовского разоренья, скудости от Москвы разъехались, он, Кузьма, в Нижнем Новгороде и в понизовых городех, собрав денежную казну с Нижнего, понизовых, верховых, поморских и со всех городов и ратных всяких разоренных людей подмогал, ... и ратные с бояры и воеводы люди стояли под Москвой безотступно и государство очистили»⁵⁶, то есть понизовые города даже отмечены дважды. Удивление вызывает, каким образом К. Минину с казаками удалось собрать средства в разоренном регионе, когда, как отмечено было выше, даже в государеву казну в Казани средства три года не поступали?

Итак, анализируя упоминания участия жителей городов Понизового Поволжья в событиях периода Междоусобицы, представляется следующее. В 1607–1608 гг. на Нижней Волге – в Астрахани и Царицыне – в среде воеводской и приказной администрации, стрельцов и жителей городов произошел политический раскол общества по вертикали по вопросу признания и непризнания власти Василия Шуйского. Оппозиция, ввиду необходимости организованных выступлений, объединялась в отряды быстро появившихся самозванцев. Но, скорее, это был только способ протеста В. Шуйскому. Противостояние вылилось в вооруженное столкновение с правительственными войсками Ф. И. Шереметьева, в которых только в Астрахани на тот момент удалось удержать власть восставшим или, с точки зрения правительства, «изменникам». Крепости Царицына и Саратова были сожжены, а ратным людям и стрельцам пришлось также делать свой политический выбор.

Постепенно власть В. Шуйского, а впоследствии и Боярского правительства, теряла свой авторитет в Поволжье, и мы видим показатель этого – присяга жителей Саратова Лжедмитрию II в 1609 г. и спустя два года присяга Казани тому

же самозванцу, но с опозданием – уже после его смерти. Свержение с престола Василия Шуйского и смерть Лжедмитрия II автоматически ликвидировали причину политического противостояния в городах Поволжья. Общенародная идея борьбы с внешним врагом – польскими и литовскими людьми – за сохранение целостности Московского государства объединила ратные силы и материальные запасы городов. Часть ратных людей и стрельцов Волжского Понизовья, присоединившись к правительственным войскам еще в 1608 г., стали вливаться в состав ополчения П. Ляпунова отдельными отрядами на начальном этапе складывания ополчений – в феврале – марте 1611 г., за два месяца до того, как все Казанское государство крест целовало.

Призыв Второго ополчения попал уже на подготовленную почву. И хотя, по словам Дмитрия Пожарского в письме к императору Рудольфу, «из дальних мест, из Сибири и из Астрахани в год едва приезжают» – это было явно иносказательным преувеличением. Самозванческие идеи, тем не менее, продолжали хождение в регионе, и, к примеру, в Арзамасе и Курмыше в феврале 1612 г. вполне реально рассматривали вопрос о сборе сил в поддержку «Маринкина сына» Ивана воренка. Дальнейшее развитие идея получила в Астрахани весной 1613 г. при поддержке Ивана Заруцкого, после избрания на престол Михаила Романова. В период же сбора Второго народного ополчения Дмитрий Пожарский старался занимать нейтральную позицию в отношении кандидатуры будущего царя, во всех грамотах писал о возможности выбора государя только Советом Всей Земли, что позволяло всем городам Российского государства объединяться.

Примечания

- 1 См.: Дубман Э. Л. Промысловое предпринимательство и освоение Понизового Поволжья во второй половине XVI–XVII вв. : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Самара, 2000. С. 3–4.
- 2 См.: Тюменцев И. О. Смутное время в России начала XVII столетия : движение Лжедмитрия II. М. : Наука, 2008. С. 134 ; Усенко О. Г. Казаки и самозванцы в период Смуты // Мининские чтения : сб. науч. тр. по истории Смутного времени в России начала XVII в. Нижний Новгород : Кварц, 2012. С. 65–77.
- 3 См.: Куцаинова Е. В. История Царицына в XVII в. по документам Астраханской приказной палаты // Стрелец : науч. ежегодник. Вып. 4. Волгоград : Издатель, 2004. С. 429.
- 4 См.: Российский государственный архив древних актов (РГАДА) : Путеводитель : в 4 т. М. : Древлехранилище, 1996. Т. 3, ч. 1. С. 374.
- 5 См.: Гневушев А. М. Акты времени правления царя В. Шуйского (1606–1610 гг.) // Смутное время Московского государства, 1604–1613 гг. Вып. 2. М. : Изд-во ОИДР, 1915. № 93. С. 170.

- 6 См.: Рабинович Я. Н. Саратовский воевода Владимир Владимирович Аничков (1607–1608) // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2011. Т. 11, вып. 1. С. 92–98.
- 7 См.: Тюменцев И. О. Начало Царицына : гипотезы и факты // Стрежень : науч. ежегодник. Вып. 1. Волгоград : Издатель, 2000. С. 140–141 (ссылка на отписку самарского воеводы кн. Д. П. Пожарского в Астрахань, апрель 1614 г., АСПБ ИИ РАН).
- 8 См.: Гераклитов А. А. История Саратовского края в XVI–XVIII вв. Саратов : Друкарь, 1923. С. 197.
- 9 См.: Ермолаев И. П. Среднее Поволжье во второй половине XVI–XVII вв. (управление Казанским краем). Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1982. С. 81–82.
- 10 Гневушев А. М. Акты ... № 93. С. 169.
- 11 Там же. № 96. С. 170.
- 12 Там же. С. 204.
- 13 Гмелин С. Г. Путешествие по России для исследования трех царств природы. Ч. 2. Путешествие из Черкасска до Астрахани и пребывание в сем городе : с начала августа 1769 по пятое июня 1770 года // Исторические путешествия. Извлечения из мемуаров и записок иностранных и русских путешественников по Волге в XV–XVIII вв. Сталинград : Краевое книгоизд-во, 1936. С. 278.
- 14 Гневушев А. М. Акты ... № 93. С. 183.
- 15 См.: Костомаров Н. И. Смутное время Московского государства в начале XVII столетия // Собр. соч.: в 8 кн., 21 т. СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1904. Кн. 2. Т. V. С. 373.
- 16 См.: Тюменцева Н. Е., Тюменцев И. О., Тупилова Н. А. Документы архива Яна Сапеги о судьбах жителей Царицына в Смутное время // Стрежень : науч. ежегодник. Вып. 4. Волгоград : Издатель, 2004. С. 420–428.
- 17 См.: Самойлов Г. П., Супрун В. И. Царицынские картинки : воеводы и коменданты. Волгоград : Издатель, 2002. С. 53.
- 18 См.: Тюменцев И. О. Смута в понизовых городах в 1604–1614 годах // Российская история. 2012. № 5. С. 19.
- 19 Дневник Яна Петра Сапеги (1608–1611) / сост. И. О. Тюменцев, М. Яницкий, Н. А. Тупилова, А. Б. Плотников. М. ; Варшава : Древлехранилище, 2012. С. 97.
- 20 Там же. С. 351.
- 21 См.: Гераклитов А. А. Указ. соч. С. 195–196.
- 22 Акты исторические, собранные и изданные Археологической комиссией (далее : АИ) : в 5 т. Т. 2. (1598–1613 гг.). СПб. : Тип. Экспедиции заготовления гос. бумаг, 1841. Т. 2, № 227. С. 268.
- 23 Там же. № 212. С. 249.
- 24 Там же. № 239. С. 281.
- 25 Там же. № 316. С. 373.
- 26 Там же. № 316. С. 373.
- 27 См.: Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи археологической экспедицией императорской академии наук (далее : ААЭ) : в 4 т. СПб. : в тип. 2-го отд. Собственной Е. И. В. канцелярии, 1836. Т. 2, № 170 (1). С. 291.
- 28 Там же. № 170 (2). С. 292.
- 29 Новый летописец // Полное собрание русских летописей. СПб., 1910. Т. 14, № 249. С. 105.
- 30 См.: Ермолаев И. П. Указ. соч. С. 85–88.
- 31 Подвиг Нижегородского ополчения : в 2 т. Т. 1. Нижний Новгород : Книги, 2011. 624 с. № 45. С. 80 ; № 49. С. 88–92. Отписка без крестоцеловальной записи.
- 32 Там же. № 37. С. 65 ; № 44 (II). С. 75–77. Идентичный текст, в конце второго отмечено, что из Соликамских бумаг.
- 33 Там же. № 39. С. 67.
- 34 Там же. № 41. С. 70 ; № 46. С. 83–84.
- 35 ААЭ. Т. 2, № 179. С. 305.
- 36 Подвиг Нижегородского ополчения... № 45. С. 80 ; № 49. С. 88–92. Отписка без крестоцеловальной записи.
- 37 Там же. № 47. С. 84–86. См. также: Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел (далее – СГГД) : в 4 ч. Ч. 2. М.: Тип. Селивановского, 1819. № 235. С. 504–506.
- 38 Там же. № 51. С. 98. См. также : СГГД. Ч. 2, № 241. С. 519.
- 39 Там же. № 61 (II). С. 125. См. также : ААЭ. Т. 2, № 188. С. 323–324.
- 40 Там же. № 54. С. 102. См. также : СГГД. Ч. 2, № 242. С. 520–521.
- 41 Там же. № 55. С. 104. См. также : ААЭ. Т. 2, № 183. С. 313.
- 42 Там же. № 56. С. 106. См. также : СГГД. Ч. 2, № 243. С. 521–522.
- 43 Там же. № 57. С. 108–111. См. также : СГГД. Ч. 2, № 251. С. 535–537.
- 44 Там же. № 61. С. 119–121 ; № 59. С. 112–114. См. также : ААЭ. Т. 2, № 188. С. 318–320 ; СГГД. Ч. 2, № 256. С. 541–542.
- 45 Там же. № 68. С. 142–143. См. также : СГГД. Ч. 2, № 268. С. 567–568.
- 46 Там же. № 69. С. 143–144. См. также : ААЭ. Т. 2, № 194. С. 332–333.
- 47 Там же. № 88. С. 167. См. также : СГГД. Ч. 2, № 277. С. 582–588.
- 48 Там же. № 89. С. 170–171.
- 49 Там же. № 94. С. 174–175.
- 50 Там же. № 102. С. 185–188. См. также : ААЭ. Т. 2, № 201. С. 338–341.
- 51 Там же.
- 52 Там же. № 143. С. 283.
- 53 Ермолаев И. П. Указ. соч. С. 95.
- 54 Подвиг Нижегородского ополчения... № 107. С. 202. См. также : СГГД. Ч. 2, № 278. С. 588.
- 55 Там же. № 127. С. 253 ; Акты времени междуцарствия (1610 г., 17 июля – 1613 г.) // Смутное время Московского государства, 1604–1613 гг. Вып. 3. М. : Изд-во ОИДР. 1915. С. 56.
- 56 Подвиг Нижегородского ополчения ... № 171. С. 321.